

МАТУШКА-ЗЕМЛЯ

Размышления по прочтении очерков Анатолия Байбородина

Родом я с Алтая, где прожил более шестидесяти лет. Край с прекрасной разнообразной природой, щедрой на урожаи землёй и мужественным, надёжным людом с исконно сибирским характером. Хлеборобный край. Крестьянский. Потому и стихи мои всё больше о земле да о мужике-пахаре, о заброшенных ныне деревнях да полях, поросших бурьяном, о затюканном и спивающемся от безысходности крестьянине, коему, кроме как упования на Бога, не оставили ничегошеньки, лишив последнего – вековой мечты жить достойно и честным трудом. И на эти вот «больные» стихи, как я их называю, приходят не слишком приятные отклики: «Чего, мол, ворошить давно прошедшее, чего плакаться по бревенчатым халупкам с лучиной да полатами, по лошаденке с плужашком да пахаре в лаптишках, когда нынче вон какие фермы да агрофирмы, вон какие машины-комбайны, взамен заменяющие цельные табуны лошадок и деревеньки со всем их населением... Кто, мол, старое помянет – тому и глаз вон... Проехали... Жизнь невозможно повернуть назад...». Вот и начинаю сомневаться порой: «Действительно, ведь, – проехали... Прошлого не вернуть... Да и не иду ли я вперёд с головой, повернутой назад? Какой смысл выковыривать занозу с отрубленного пальца? Не зазря ли весь сыр-бор?». Но, наткнувшись в очередной раз на литературные произведения, подобные очеркам, сказам, да и книгам Анатолия Байбородина, вновь и вновь утверждаюсь в мысли: «Нет, совсем не зазря! Есть и в моих мыслях правда, есть резон. Ведь не по кленовой сошке, не по потрескивающей лучинке на выскобленной столешнице печалька та. Вовсе нет. И дело здесь совершенно в другом.

«В испоконной красе хранили русские крестьяне любовное, обрядово поклонное отношение к земле. Хотя земля числилась и третьей в череде языческих поклонений (первый – царь-огонь, вторая – вода), но лишь землю крестьяне величали матерью. И в земледельческом таланте крестьян, кроме вселенского природознания, трудолюбия и терпения, кроме бережённых многовековых земледельческих навыков, таилась неизбывная, всепоглощающая, обрядово-поклонная, жертвенная любовь к матери-сырой-земле – любовь, увы, порой впадающая в духовную прелесть – языческое одухотворение земли». (*А. Байбородин «Мать-сыра-земля».*)

Вот в чём дело – в поклонном отношении к земле, в одухотворении её, и жертвенной материнской любви к ней. Вот что утрачено. Может, ещё не навсегда. И пускай очерк «Мать-сыра-земля» о древних обрядах и обычаях, об их изменениях во времени, о методах земледелия в суровом Забайкалье, он всё одно о земле – как душе крестьянской, без которой тот уже не есть человек, а разве что зомби. Как только мы возомнили себя «царями природы» и двинули лозунг «Не надо ждать милостей от природы. Взять их у неё – вот наша задача!», так и начали пилить тот сук, на котором ещё пока сидим. Пока... Но русский человек, он – «земляной». Таким сотворил его Бог. Есть народы – воины, есть – кочевники, есть народы – торговцы, для которых вся жизнь – сплошной базар. Русский же мужик – пахарь. Но пахарь, не снимающий с пояса меча. Ведь ратник от слова ратай – пахарь – способный в любую минуту встать на защиту своей семьи, своей земли и своей родины. Вот почему нас никогда не победить. И Анатолий Байбородин во всех произведениях и говорит именно об этом: не терять корней, не забывать прошлого, жить ни где-то над природой, а в ладу с природой, относясь к природе, словно к могучему и доброму сотоварищу. Пока жива в нас тяга к земле и не оборвалась вконец связь с землёй. А связь, видит Бог, ещё не оборвалась. В любом городишке, как ни посмотришь, тянутся по весне толпы народа на дачи. Нескончаемые потоки. Все торопятся к земле. Ни у одного народа нет столько дач, столько земельных участков, огородов, наделов. Я не бывал в «европах», но слышал, что могут там на пикник в парк выбраться, кое-кто клумбочку с розочками развести, но чтоб вот так, поголовно, семьями да городами садить картоху, выращивать сотни кустов помидор да перцев, а потом месяц делать заготовки на зиму... И ведь не только от нужды. Нет. В крови это. В генах. По себе знаю. Прожив почти полжизни в благоустроенной квартире, в конце концов исполнил свою мечту, – купил домишко с участком. И лишь тогда по-настоящему понял, чего мне не хватало всю жизнь. Когда в огороде появятся первые проталинки, выйдешь в телогрейке нараспашку, вдохнёшь полной грудью вешний дух, подойдёшь к

покосившемуся заборчику, а рука сама чешется, – так за зиму наскучилась по молотку да топору. Подтюкаешь чего-либо, присядешь перекурить и размечтаешься: ну вот ещё недельки две, – а там и за лопату. Побыстрее бы уж. Вот чего мне так не хватало. Не вытравишь этот дух из народа. Кажется, он вечен. Дай-то Бог, чтоб так и было всегда.

«Перед посевом ранешние крестьяне парились в бане, выгоняли из себя тяжёлый, грешный дух, надевали в поле чистую посконную рубаху, чтобы чистыми были всходы. При выезде на сев, когда уже были запряжены кони, возжигали на божнице свечи, клали поклоны и просили благословения...». (А. Байбородин «Мать-сыра-земля»)

Вот ведь как было! Никто не призывает сейчас перед каждым выездом мыться в бане да облокачаться в чистое. Но выйди ты в поле с радостью, с чистой душой да светлым лицом, поклонись землице матушке, и работа будет спориться, да и землица тебя потом урожаем не обидит. Дело-то всё в подходе, в отношении, а не в том вовсе, на лошадёнке ты пашешь или на тракторе. А чтоб такое случилось, надобно поставить землепашца в соответствующие условия и работу его оценивать по заслугам. Всё ж он на земле – кормилец. Первый человек. Не какой-то там маклер-брокер, дилер-килер.

«Где в семье достаток, обретённый праведным трудом, где крепок домострой и чисты нравы, там и люди красивы не только душой, но и статью; и путешественники, этнографы, писатели восхищались: мол, девки и бабы семейские («поляцкие») красивы и дородны, напоминая донских и малороссийских казачек, что старики, похожи на библейских пророков, – все так и просятся на живописные полотна». (А. Байбородин «Мать-сыра-земля»)

...Девки и бабы красивы и дородны... А тут глядишь, идёт такая молодлица, разукрашена вся, разнаряжена. Ну, красавица вроде... А как повернётся да как глянет, – так меня, старика, оторопь и берёт: я же ещё и слова не сказал, денег в долг не брал, вроде... Раньше баба ли, девка «поглядит, рублём одарит», а ныне поглядит, поглядит, да ещё обматерит... И откуда в человеке такая злость? Красоты душевной меньше стало. Больше пустой да внешней красоты. Да и мыслишки-то лишь о деньгах, ни о чём другом...

...Старики похожи на библейских пророков... И вот сразу вспомнилось... Приезжал к нам в город году в восьмидесятом на своей лошадёнке из деревни дед

Наум, родной брат моей бабушки. А это километров около ста наберётся. Адреса точного не помнил. Остановил свою повозку посередине трёх пятиэтажек, сложил руки рупором и во все четыре стороны трубно: «Сина! Сина-а-а!» Люд не только с окон повысовывался, а и из подъездов выбегать начал поглядеть на такое чудо. Народ подумал: верно, кино снимать будут. Старик двухметрового роста, в рубахе навывпуск, подпоясанной кушаком, в сапожищах. Огромная белая голова и такая же борода чуть не по пояс, а из бороды красным солнцем улыбающееся розовощёкое лицо. Былинный богатырь. Да и приехал на коне, запряжённом в бричку. Лошадь-то о ту пору за диковинку в городе уже была, даже цыгане давненько ездить перестали. Стоит красивый такой пожилой русский мужичина посередине двора, а вокруг люди. И дедом не назовешь, хотя было ему уже где-то под девяносто. Бабушка моя с 1903, а он старшим был в семье.

Бабушка, Ксения Еремеевна Плотникова, тоже была женщиной удивительной. Невысокая, сухонькая, юркая, как мышь. В тяжёлые, голодные годы войны одна вытянула троих детей (средний, Василий, мой отец), потом вырастила троих внуков (здесь середнячком был я), а там ещё вынянькивала и правнуков. Выйдя из кержацкого рода, бабушка, насколько помню, строго блюла веру православную. Всегда вспоминается такая картина... Последние дни поста ноги уже не носят. Она лежит на кровати. Из-под белого платка седые пряди и заострённый нос. Глаза прикрыты. «Бабусь, тебе плохо? Давай врача вызову», – беспокоится внучка, моя сестра. «Не-е. Всё ладно». Наконец, после нескольких подобных «бесед» прибывает врач. Посмотрел, послушал, повздыхал и отзывает сестру в сторонку, шепча: «Готовьтесь. Сильно слаба. Вряд ли неделю протянет». Пост кончился. Бабуля поднялась, походила малость по стенке, а через пару дней уже снова мельтешила беспрестанно у плиты. Семья-то большая. На следующий пост история повторяется. Врач, осмотр, шепот: «Готовьтесь. Вряд ли неделю протянет». И так вот эту «неделю» баба Сина тянула где-то лет семь, ежели не более. И за всю свою многотрудную жизнь ни разу не бывала в больнице. Даже с зубами. И всегда с усмешкой говорила: «Чего тама... у меня ж болести всего тока две: одна – это хлобышшет, – казала руку на сердце, – а друга – не пушшат», и гладила рукой поясицу. Вот так с этими «хлобышшет» и «непушшат» бабушка дотянула почти до девяноста. Да и то лишь потому, как «заташшыли ее на четвёртый итаж, а ноги-от без земли долготь не проходят». А вот братовья её, Наум и Федул, да сестра Fiна так и жили по-кержацки, своим хутором, подальше от деревни и поближе к лесу. Имели свою землю, коров, лошадей, свою пасеку. Сколько прожила Fiна – не помню, врать не буду, а вот Федул с Наумом до ста лет дожили.

Вот ведь и холод, и голод, и нужду, и войну, – всё приходилось выносить на своих плечах, через всё это пройти, – а жили поздоровей и подольше нынешних

мужиков и баб. Отчего это? Воздух чище да пища лучше? Возможно. Но и духом были крепше. Цельнее. С верою жили. С Любовью.

2

«Фреска в храме может жить немеркнучи до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли губительному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничтожать заёмными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии». (*А. Байбородин «Слово о русском слове»*).

Забота о чистоте и сохранности русского народного языка – одна из главных тем творчества Анатолия Байбородина. И всеми своими произведениями он ещё и ещё раз доказывает читателю, какое это всё-таки необозримое, мощное и удивительно тонкое явление – русский народный язык. Говорить об этом можно до бесконечности, но вот рассказать – нельзя. Нужно просто взять и читать Анатолия Байбородина. А здесь можно лишь подомысливать, попадая иль нет в струю с автором.

Народ не может существовать без языка, как и язык без народа. А ежели народа уже нет, то и язык называют «мёртвым». Каков народ, таков и язык. И если английский – «студеный», французский – «панталонно-розовый», немецкий – «грузный и обильный» (*определения А. Байбородина*), то русскому языку, добавь сюда ещё хоть сотню эпитетов, определения не подобрать. Он – РУССКИЙ. Недаром говорят, что если какая страна – сердце, иная – печень, то Россия – душа. А душу, по сравнению с прочими органами, не опишешь и не обрисуешь. И пускай со всех трибун да кафедр надрываясь кричат, что неча искать, мол, у русского народа какой-то особенности, наш язык ещё одно из доказательств – ЕСТЬ! Если у американца ни исконной своей земли, ни родового языка, то и проживает народ этот подобно. Там – каждый за себя, всяк мнит себя лучше да умнее, все прут в лидеры, как впрочем, и само государство – с вечной претензией на мировое господство. Я вот не представляю себе, чтоб американцы собрались такой ватагой да отстроили дом

соседу-погорельцу. Бесплатно. Лишь за столование. Ну не представляю, хоть убей. А у нас, слава Богу, до сих пор ещё такое встретишь.

Потом Анатолий Григорьевич пеняет ещё, что язык стал засоряться тюремным жаргоном, а музыкальные просторы – блатными песнями. С «феней» – да, беда, и не только в среде молодёжи, но и в более высоких кругах. И там могут «замочить в сортире». И с этим нужно бороться. Беда эта не такая уж давнишняя, советской эпохи, или чуть ранее, когда в тюрьмы стало попадать больше интеллигенции, которая, в основе своей, чуралась всегда языка народного, считая его пошлым и низким. Не имея своего языка, она вечно что-то выдумывала, подыскивала, вот и «изобрела» этот приблатнённый говорок.

А вот насчёт песен я бы хотел поспорить. Конечно, много наносного здесь и полностью извращённого. Останавливаться не буду, приведу лишь один примерчик: давненько услышал я во дворе тонюсеньким голоском под нервное треньканье гитары такой перл:

Слишком рано я матерью стала.

Слишком рано я стала гулять.

Полюбила отца (?) – наркомана

За его раскумареный взгляд.

Мне по сию пору хочется выловить этого исполнителя и разузнать, в конце концов, кого она полюбила. Или своего отца-наркомана, или отца какого-то наркомана, или всё же отца своих детей? До сего дня меня мучает этот вопрос. (Вот, кстати, богатство нашего языка: всего-то два слова, а толкований уже три.)

А тюремная лирика – это вообще что-то особенное. Это – пласт нашей культуры, причём, не только последних лет. Когда мои деды и бабушки устраивали у нас застолья, а я ещё под стол пешком ходил, то оттуда, из-под стола, я постоянно слушал «По диким степям Забайкалья», «Бежал бродяга с Сахалина», «Я помню тот Ванинский порт», и, каким бы светлым не был повод для празднования, пение почему-то оканчивалось извечным плачем. Ну не могли они без слезы, коли запели. Я другой такой страны не знаю, где бы ещё существовали подобные песни. Откуда так повелось? Во-первых, и страна наша особенная, где сами над собой горько посмеивались: половина страны пересидела, вторая половина ждёт своей очереди. И это почти правда. Во-вторых, уж очень русский человек «жалостлив», уж очень

достаёт его чьё-то горе и неустройство, более, чем своё собственное... Кстати, на этом, по-моему, основывается и миф о русском пьянстве. Да не пьянее мы других вовсе. Просто мы сами – другие. Мой сосед, проживший лет семь в Германии, рассказывал, что если и напиваются там, то дома да за семью запорами. Не дай Бог, увидят другие. Мало того – осудят, так ещё и сообщат, куда следует. И гордиться этим будут: поступили, как законопослушные граждане. У нас же, коли выпил человеке, непременно покрасоваться на миру надо, поделиться радостью либо поплакаться в жилетку, непременно чтоб пожалели, посочувствовали. И ведь пожалеют, поплачутся вместе да еще и похмелят непременно. У нас человечнее, по-христиански, оттого и всё на виду. Уж очень жалостливый мы народ. Даже когда по улицам проводили колонны немецких военнопленных, то женщины наши своим врагам, извергам, выносили стакан воды да краюху хлеба. Человек, ведь, всё-таки... Иначе мы не можем... Или вот совсем свежий пример. Мертворождённая страна, где ни единой родовой земли, ни общего языка. Идёт гражданская война. С одной стороны пленных кормят и лечат, с другой – добивают. Не знаю, насколько верно доносят до нас информацию, но мне, почему-то, верится, что всё именно так. А верится потому, что с одной стороны – русские, с другой – западники. Разные народы и разные подходы.

А вот засилье иностранщиной – это величайшая глупость. Особенно когда смотришь рекламу – до слёз становится обидно. Да окунитесь вы в наш родной словарь – эту неиссякаемую сокровищницу. Чего сверкать чужими стекляшками, когда своих алмазов за глаза! Россыпи! Я вот взял за привычку, ежели кто из знакомых брякнет при расставании, мол, пока, отбываю в свой «пентхауз», тут же скромненько так замечая: ну а я в свою светёлку. Он непременно остановится и оглянется. Действительно, ни один народ не сподобился ещё назвать так своё жилище – СВЕТЁЛКА. Скажешь – и душа засветится добром и теплом. И пускай потолок низок да окна маловаты, а от слова такого непременно потянет домой. Ну не чудо ли это – моя светёлка! Так что лиши нас нашего бесценного языка – и нас можно называть «мёртвым» народом.

«Парнишка с деревенскими огольцами греется у костерка, на тальниковых рожнах жарит окуньков, и, черствыми ступнями ощущая надежную земную твердь, дивится безунывно штормовому валу, а детство замирает навек в остывающей памяти тоской по счастью, безвозвратно укрылившему на озерном ветру, истаявшему в зеленой мгле». (А. Байбородин «Путевые вехи»).

А вот это действительно песня. Хвалебная ода отчему дому и родимой сторонке, что слились воедино в этом удивительном озере детства. Сколько б лет ни пролетело, в какие б дали нас ни забрасывало, но всегда и везде со светлой печалью будем вспоминать мы тот чудесный уголок земли, где сделали первый шаг, где исторгли первый возглас удивления, где почувствовали первую боль и пережили первую обиду. Там не только наше детство и холмики родительских могил, там, на этом клочке земли, таится та великая сила, что будет вести и поддерживать нас на всём дальнейшем жизненном пути.

«А я толком и не знаю, где родился. Отец был офицером и мы постоянно переезжали», – признался один знакомый. И мне стало до горечи жаль этого человека, человека, которому некуда стремиться, пусть даже душой, которому никогда с таким тёплым трепетом не вспомнить о своём детстве. Человек без Родины. Это великое несчастье.

Мне повезло. Дом, где я родился, стоял на берегу Бии, а в ста метрах за дорогой шумел вековыми деревьями-великанами ленточный сосновый бор. Радость от каких-либо побед или покупок, горечь от обид, заслуженных или не очень, давно осыпались из прохудившейся памяти и трухой развеялись по ветру, а вот шум сосен над головой или медленный наплыв пенной волны на прибрежную гальку всегда заставляют вздрогнуть и вновь погрузиться в те далёкие и незабываемые радости и тревоги детства. Там я и тонул, и блуждал не единожды, и получал за всё это добрую взбучку от родителей, но всю жизнь снова и снова тянет в эти дивные места, если и не прямой тропкой, то хотя бы душою окунуться... Так рождается чувство малой родины, чувство единения с землёй, тебя породившей и напитавшей своими соками. Теперь же, когда детство проходит среди однообразных многоэтажек на обшарпанной скамеечке в таком же безликом скверике, загаженном собаками и пустыми пивными банками, когда купаешься раз в неделю в пропахшем хлоркой бассейне и представления не имеешь, из-за какого пригорка появляется вдруг радостное утреннее солнышко, – так откуда же взяться чувству родины? Вот и мотаются людишки по свету, словно неприкаянные, и родина для них там – где

больше платят. И за какую-то землю он может встать грудью на защиту или даже лечь в смертельном бою? Ан нет её, землицы такой для него. Толи Бог не дал, толи сам не взял. Обидно как-то...

4

«О деревенской судьбе мы беседовали с главой сельской администрации, старостой здешнего церковного прихода Юрием Климовым. А судьба Тамира, как и прочих российский сёл и деревень, словно жизнь, когда хоть помирай ложись: молодёжь бежит из села в город притче, нежели в добрые советские времена, ибо нет работы – почти все колхозы, совхозы рухнули. Доживают толкливый век пенсионеры – маломальская пенсия есть на хлеб и чай, да огородина и подворная скотина выручают. Иные молодые, коим некуда бежать из села, пьют беспробудно, не вем на какие гроши; впрочем, как и во всех российских деревнях и сёлах, шинкарки, наживаясь на великом русском горе, бойко торгуют дешёвым контрабандным спиртом, в народе прозванном «палёный, катанный; палёнка, катанка». Другие молодые пашут от темна до темна, не разгибая спины, абы свести концы с концами; держат полное подворье скота: десять... пятнадцать... двадцать коров, телок, бычков, с пяток, а ино и десяток, лошадей, что летом пасутся в долинах рек, зимой копытят на полях, где ветер выдувает снег. За тридцать лет супостаты, фармазоны, полонившие Россию, до нитки ограбили страну, и ныне бесом избранные с жиру бесятся, а простолюдые, тем паче крестьяне, с кваса на хлеб перебиваются...»
(А. Байбородин «Мать-сыра-земля»)

Я не случайно взял такую длинную цитату у автора. Есть, есть ещё от чего болеть сердцу да печалиться душе настоящего русского писателя! Криком надобно кричать от подобных картин, слезами горючими умываться. Никогда не забыть мне в одну из тяжёлых годин на окраине алтайского села огромную гору гниющего зерна. Ну, не нужно оно было тогдашним властям почему-то. И весь труд – псу под хвост. И вот представляю: бредут на работу каждое утро горемыки-работяги мимо страшной горы со слезами да матюками, кляня начальство и власти... И с каким желанием будут они работать? А куда денешься – выживать-то надо! Сравните только зарплаты депутатов или банкиров с крохами этого бедолаги, – представить страшно. Ох, совсем не по совести! Не по-божески это! А ведь он, хлебобороб-землепашец, – ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК на русской земле. Он – КОРМИЛЕЦ! А все остальные – так, с боку припека. Не хлебом единым, говорят. Но вот уж без хлеба-то – точно никуда!

И абсолютно прав А. Байбородин в своих заметках и книгах тоже. Не к лошаде́нке с сохой призывает вернуться. Вовсе нет. Он докричаться до всех пытается, что русский человек – ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ. Богом так предназначено. И пока ещё не поздно, пока до конца не выдернули эти корни из земли, не вырвали и не вывернули наизнанку его душу-землю, не превратили его в пустопорожнее перекаати-поле, верните ему заслуженное уважение, верните радость труда и гордость за свой труд, верните справедливость, верните, наконец, пусть пока только извечную мечту, которую у него отняли, – жить достойно своим честным трудом. Не мешайте ему работать. А там уж он своего добьётся, не сопьётся-не затрётся. Мужик-трудяга, он дюжой и гордый: на колени ни перед кем не встанет. Кроме как перед Богом-Батюшкой да землёй-матушкой.

* * *

Вот на такие не слишком весёлые размышления натолкнули меня очерки и заметки Анатолия Байбородина. Редки теперь книги, что пишутся не пером, а сердцем. И дойдут ли они до читателя? А так хочется, чтоб дошли! И мои нынешние записки – одна из попыток обратить внимание читателя на произведения, до краёв наполненные русским духом и исконно русским слогом. Совсем не зря здесь приведены такие большие авторские отрывки. Во-первых, они дают мне возможность оттолкнуться от столь необычного материала, а, главное, всё-таки, это – показать «сам сад». Что толку водить человека вокруг да около, расписывая прелести старинного сада, когда проще и важнее завести его хотя бы на самый краешек этого сада. И он сразу всё поймёт.

И, как бы подтверждая правоту и отнюдь не зряшность замечательно-своеобразного писательского таланта Анатолия Байбородина, да, извините, и своих «больных» стихов, напомним слова мудрого и честного человека Валентина Распутина: «Я всё-таки писатель, который не может писать о цветочках и ягодках, когда за окном тяжёлая для моего народа жизнь».

Сергей Чепров